

На правах рукописи

Багрецов Дмитрий Николаевич

**Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема
интертекстуальности**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2005

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» на кафедре русской литературы XX века

Научный руководитель	доктор филологических наук, доцент И. Е. Васильев
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Н. В. Барковская кандидат филологических наук, доцент Н. А. Рогачева
Ведущая организация	Тверской государственный университет

Защита диссертации состоится «__» октября 2005 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан «_____» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

Т.Кибиров – поэт с устойчиво высокой литературной репутацией. Многочисленные публикации произведений Т. Кибирова (семь сборников стихов и около 100 публикаций в периодике и в коллективных сборниках), вызывающих неизменный устойчивый интерес у читающей публики и у критиков, однако изучение творчества поэта до сих пор не вышло за рамки литературной критики. До сегодняшнего дня не издано ни одной литературоведческой монографии, посвященной поэту. Сегодня, через 20 лет после первой публикации Т. Кибирова, когда значимость и оригинальность этого поэта уже не вызывает сомнений, его творчество нуждается и в литературоведческой интерпретации. Необходимым и вполне возможным представляется выделить в творчестве Т. Кибирова наиболее значимые идеи и концепции и проследить специфику их разработки, а также исследовать особенности творческой индивидуальности поэта. До сих пор попыток подобного исследования не предпринималось.

Н.Л. Лейдерман¹, описывая различные стороны творческой индивидуальности, говорит о биографическом опыте, о характеризующем автора типе мышления (лирическом, эпическом и драматическом: для Т. Кибирова характерен именно лиризм), о системе ценностных ориентиров и о культурно-эстетическом фоне, в который включает круг чтения, культурный кругозор, литературные влияния. В своей работе мы рассматриваем все эти аспекты. Такой подход позволяет нам рассмотреть творчество поэта в надлежащем объеме и выделить его наиболее значимые особенности и закономерности и, с другой стороны, получить представление о личности поэта как субъекта творческой деятельности.

Поскольку для Т. Кибирова важнейшим стилеобразующим фактором является, по нашему мнению, интертекстуальность, мы рассмотрим творчество поэта в свете его интертекстуальности. Интертекстуальность – понятие

¹ Лейдерман Н.Л. Творческая индивидуальность писателя как объект изучения // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования. Екатеринбург, 2005. С. 6 – 7.

постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего¹. Однако этот термин употребляется не только как средство анализа литературного текста или как средство описания специфики существования литературы (хотя именно в этой области он впервые появился), но и для определения того миро- и самоощущения, современного человека, которое получило название постмодернистской чувствительности². Интертекстуальность занимает большое место в творческой практике современных поэтов и, в частности, Т. Кибирова.

Мы намерены рассматривать творчество Т. Кибирова с двух сторон: нас интересует становление и специфика творческой индивидуальности поэта и характерные для него особенности работы с интертекстом. Этими двумя факторами определяется **актуальность работы**.

Степень изученности вопроса и новизна научного исследования. Творчество Т. Кибирова со времени первых публикаций поэта привлекает внимание критиков. Отзывы о стихах поэта носят в целом доброжелательный характер. Свет на биографию Т. Кибирова проливают интервью в периодической печати³ и на радио⁴. Многочисленные публикации стихов Т. Кибирова в Интернете также содержат, как правило, биографическую справку и информацию об основных книгах поэта.

Критиков интересуют вопросы, связанные с поэтическим языком и обценной лексикой в творчестве Т. Кибирова (А. Зорин, А. Солнцева А. Архангельский), они размышляют о художественном смысле интертекстов Т. Кибирова и приема цитации, характерного для поэта (М. Золотоносов, Д. Бавильский, М. Айзенберг, О. Лекманов), об отношении Т. Кибирова к советской культуре и концептуализму (М. Айзенберг, Л. Зубова, А.

¹ Постмодернизм. Энциклопедия. М., 2001. С. 333.

² Там же. С. 334.

³ Мартовицкая А. Тимур Кибиров: «Писать хорошими рифмами – слишком легко» // Культура. 2005. № 6. С. 6; Шабурова М. Тимур Кибиров: «Нет вечных культурных ценностей» // Книжное обозрение. 2005. 14 февр. С. 3.

⁴ Тимур Кибиров. «Маяк» // <<http://www.radiomayak.ru/schedules/104/5980.html>>.

Алешковский, М. Кулакова, А. Панов и др.); затрагивается также историческая и социальная проблематика (В. Курицын, Д. Бавильский, А. Немзер). Разумеется, литературная критика не стремится ответить на все вопросы, возникающие при чтении произведений поэта: первоочередная задача критики – проанализировать не сами произведения, а читательские впечатления от них. Существуют немногочисленные литературоведческие работы, в которых, в числе прочего, анализу подвергаются те или иные аспекты творчества Т. Кибирова. Среди них можно выделить работы М.П. Абашевой¹, И. Скоропановой² и О. Богдановой³. В этих работах творчеству Т. Кибирова посвящены отдельные главы.

Однако монографических исследований, посвященных целиком и исключительно творчеству Т. Кибирова, на сегодняшний день нет. Хотелось бы надеяться, что наша попытка систематического комплексного анализа творчества Т. Кибирова в свете творческой индивидуальности поэта и проблемы интертекстуальности поможет открыть в творчестве Т. Кибирова новые стороны, не замеченные предыдущими исследователями, и создать почву для необходимых обобщений.

Новизна нашего исследования состоит, во-первых, в попытке систематического литературоведческого анализа творчества Т. Кибирова с его условной периодизацией и выделением важнейших тенденций того или иного этапа. Во-вторых, новизна исследования состоит в попытке рассмотреть творчество Т. Кибирова в свете развития и становления творческой индивидуальности поэта. Исследование различных аспектов индивидуальности Т. Кибирова также является новым, потому что попыток подобного анализа до сих пор не предпринималось. В-третьих, достаточно новым нам представляется взгляд на интертекстуальность в творчестве Т. Кибирова не только как на

¹ Абашева М.П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь, 2001; Абашева М.П. Русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Пермь, 2001.

² Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М., 1997.

³ Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-е – 90-е годы XX века – начало XXI века). СПб., 2004.

общий и основополагающий принцип любого словесного творчества (интертекстуальный анализ, предпринятый с подобных позиций, не способен раскрыть творческой индивидуальности поэта, ограничиваясь лишь выявлением максимально возможного числа претекстов). Не пытаясь внести что-то новое в понимание проблемы интертекстуальности, мы считаем возможным рассматривать эту проблему применительно к творчеству одного конкретного поэта несколько иначе. Интертекстуальность, изучаемая нами в качестве художественного приема, пусть важнейшего, позволяет нам показать стратегию и принципы работы автора с чужим словом, не упуская при этом из вида особенности его поэтики, уникальность мировосприятия и оригинальность его поэтического мира.

Объектом исследования является творчество Т. Кибирова, рассмотренное в диахроническом аспекте, то есть на всем его протяжении. **Предметом исследования** является творческая индивидуальность поэта, а также место и роль интертекстуальности в его художественной системе. Прежде всего, здесь нас интересуют причины обращения поэта к «чужому слову» и намерения, с которыми он прибегает к цитации. Также большой интерес представляют индивидуальные особенности авторской работы с интертекстами. Все эти факторы со временем претерпевают значительные изменения, что также является предметом нашего исследования.

Материалы исследования. В работе используются поэтические тексты всех основных сборников стихов Т. Кибирова, а также некоторых коллективных сборников и антологий с его участием, материалы критических статей и интервью с поэтом. В качестве источников кибировских интертекстов рассматриваются произведения русских классических поэтов: А.С. Пушкина, А.А. Блока, М.Ю. Лермонтова и др. С целью лучшего уяснения специфики интертекстуальности Т. Кибирова привлекаются также тексты некоторых современных поэтов-постмодернистов, таких как Д.А. Пригов и В. Емелин.

Цели и задачи исследования. В своем исследовании мы стремились проследить формирование творческой индивидуальности Т. Кибирова, то есть

формирование его мировоззренческих и творческих идеалов и ценностей и воплощение их в художественной практике. Особое внимание мы уделяем отношению поэта к используемым им литературным претекстам, так как отношение к классическому наследию характеризует, с одной стороны, авторскую позицию, а с другой – отношение Т. Кибирова к литературной традиции и специфические особенности взаимодействия поэта с традицией, что помогает определить его место в литературном процессе. *Целью нашего исследования* является также уяснение принципов работы автора с «чужим словом» и причин обращения к нему.

Задача исследования состоит в том, чтобы проанализировать наиболее значимые интертексты, к которым обращается Т. Кибиров в своем творчестве, проследить специфику авторской интерпретации этих интертекстов, а также соотнести ее с эволюцией авторского мировоззрения и творческой индивидуальности поэта. В число наших задач также входит анализ индивидуальной стратегии самоопределения Т. Кибирова и определение культурных и этических доминант в сознании этого автора. На формальном уровне задачей нашего исследования будет вычленение текстуальных (и прежде всего – интертекстуальных) «следов» писательского самосознания в творчестве Т. Кибирова. Все это поможет нам полнее охарактеризовать творческую индивидуальность поэта.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют работы отечественных и зарубежных исследователей проблемы творческой индивидуальности (М.П. Абашевой, М.В. Заковоротной, Н.П. Крыщука, Ж. Лакана, Н.Л. Лейдермана, Ж.-Ф. Лиотара, и др.), и проблемы интертекстуальности (Н. Кузьминой, И. Смирнова и др.), а также работы по семиотике М.Ю. Лотмана, труды М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова, и современные исследования в области идентичности, интертекстуальности, философии, психологии и литературоведения, а также труды зарубежных философов-постмодернистов (Р. Барта, М. Фуко, Ю. Кристевой и др.). Нами применялись современные методы литературоведческого изучения

художественного произведения (методика сопоставительного анализа, историко–культурный подход), а также общефилософские методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

На данном этапе изучения творчества Т. Кибирова мы считаем необходимым обратиться, прежде всего, к рассмотрению его творческой индивидуальности. Такой подход дает нам возможность, во-первых, рассмотреть творчество поэта с мировоззренческих позиций, во-вторых, проследить его эволюцию в формальном и содержательном аспектах и, в-третьих, позволяет выйти на новый этап литературоведческого осмысления творчества поэта. Исследуя творческую индивидуальность поэта, мы движемся от частных, бытовых и социальных проблем (Главы 1 и 2) к более общим, философским (Глава 3), то есть используем метод индукции. Дедуктивный метод мы используем при анализе интертекстуальности Т. Кибирова, применяя общие, абстрактные идеи к конкретному случаю из творческой практики поэта.

Активно привлекаются работы современных отечественных исследователей, посвященные изучению русского постмодернизма и проблеме интертекстуальности (И. Ильин¹, Н. Кузьмина², М. Липовецкий³, И. Смирнов⁴), а также соответствующие работы по литературоведению, лингвистике, семиотике, эстетике, философии, религии, истории и психологии. Поскольку, как отмечалось выше, творчеством Т. Кибирова активно занимается критика, особенно важным для работы было обращение к статьям А. Немзера, единственного из критиков, рассматривающего творчество Т. Кибирова с точки зрения его эволюции, к работам М. Айзенберга, М. Золотоносова, М. Кулаковой, В. Курицына, А. Панова, а также к статьям А. Илюшина, А. Зорина, В. Куллэ и др.

¹ Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.

² Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург-Омск, 1999.

³ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997.

⁴ Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб., 1995.

Теоретическую значимость диссертации составляет попытка параллельного анализа творческой индивидуальности поэта и интертекстуальности как основополагающего принципа его творчества. Подобное единство творческой практики и мировоззрения, формы и содержания достигается путем трактовки интертекстуальности не как общего принципа словесного творчества, но как особенности мировоззрения автора, как проекции оригинальных авторских идей на текст мировой литературы. С другой стороны, понимание творческой индивидуальности поэта позволяет нам установить авторское отношение к той или иной интертекстеме, а также авторские интенции, что в сумме формирует, как было нами показано, интертекстуальную стратегию данного автора. Не пытаясь экстраполировать наши выводы на другой материал, мы, тем не менее, отмечаем, что в творчестве Т. Кибирова интертекстуальную стратегию определяет именно творческая индивидуальность поэта. Это дает нам возможность представить творчество Т. Кибирова сразу с нескольких сторон, говоря о том или ином конкретном произведении, а также предложить периодизацию творчества Т. Кибирова, основанную на художественной и идейной эволюции его творчества в связи с изменениями социополитической ситуации в стране, во многом определившей творческую индивидуальность поэта.

Обращение к традиционным приемам литературоведческого анализа (данным в работах М. Гаспарова, Г. Гачева, Л. Гинзбург, В. Жирмунского) и к современным постмодернистским методикам (например, дискурсивный подход Ж. Дерриды) позволяют нам проследить кибировскую интерпретацию идей и концепций постмодернизма с точки зрения литературной традиции. Необходимость подобного подхода обусловлена спецификой творчества Т. Кибирова, стремящегося соотнести новейшие философские и филологические идеи с литературной традицией XVIII и XIX века и испытывающего, таким образом, равное влияние обеих разнонаправленных тенденций.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее материалов и выводов в школьном и вузовском

преподавании, в литературной критике и в дальнейших научных исследованиях.

Апробация работы. Основные положения и отдельные вопросы диссертации отражены в выступлениях с докладами на всероссийских конференциях “Дергачевские чтения” (Екатеринбург, 2002, 2004), “Автор и текст”, “Формы выражения авторского сознания”, “Литература в современном культурном пространстве” и “Актуальные проблемы анализа художественного произведения” (Курган, 2002, 2003, 2004, 2005), на международных конференциях “Детство как культурный перекресток: на пути к самоидентификации” (Екатеринбург, 2003), “Творчество А.Ахматовой и Н.Гумилева в контексте современной поэзии” (Тверь, 2004), “История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания” (Ростов-на-Дону, 2003), “Литература в контексте современности” (Челябинск, 2005).

Общий объем публикаций по теме – 1,7 п.л.

Структура работы: Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и библиографии, включающей списки художественной литературы, научных источников и Интернет-ресурсов.

Основное содержание работы

Во **введении** содержится обоснование актуальности работы, определяется степень научной разработанности темы, дается обзор наиболее значимых трудов и научных идей, определивших концепцию исследования и его методологию. Определяются также научная новизна, цель, задачи исследования и его структура, а также практическая значимость и апробация полученных результатов.

В **первой главе «Творчество Т. Кибирова раннего периода»** исследуется раннее творчество Т. Кибирова середины 1980-х – начала 90-х гг. Эта глава посвящена изучению произведений Т. Кибирова, объединенных в наиболее

репрезентативный и итоговый на тот момент сборник Т. Кибирова «Сантименты». Поэтический дебют Т. Кибирова был связан с литературным андеграундом. Во многом благодаря этому для раннего периода творчества поэта актуальна социальная проблематика и антитоталитарный пафос: таковы были требования группы и времени. Однако Т. Кибиров не ограничивается характерной для концептуализма и соц-арта игрой с языками советской культуры. У Т. Кибирова этой игре сопутствует ностальгический лиризм, который мешает созданию «авторской маски» (как у Д.А. Пригова). Т. Кибиров четко разделяет советскую идеологию, которую до сих пор оценивает негативно, и советский быт, личные воспоминания той эпохи, которые и связаны у поэта с чувством ностальгии. Проблематичным представляется нам рассмотренное в параграфе 1.1 **«Поэтический дебют. Т. Кибиров, соц-арт и концептуализм»** отнесение Т. Кибирова к концептуализму: многие критики (А. Солнцева, А. Илюшин, А. Зорин) рассматривают его как концептуалиста на основе формального сходства, но сам Т. Кибиров не согласен с этой оценкой. Другие критики (А. Алешковский, М. Айзенберг, И. Габриэлян, М. Кулакова, А. Панов) склонны противопоставлять Т. Кибирова концептуалистам в содержательном аспекте (как «истинного лирика»), что, по мнению этих критиков, не характерно для концептуализма.

Существует и третья, компромиссная точка зрения. И.Е. Васильев называет Т. Кибирова «поэтом, близким концептуализму», но проводит достаточно четкую границу между автором и направлением¹. Эту же цитату приводит, соглашаясь с ней, и О.В. Богданова². М. Эпштейн, в 1980-х годах причислявший Т. Кибирова к концептуалистам, впоследствии отнес его к «постконцептуалистам» на основе «ностальгической установки». Данная точка зрения представляется нам наиболее правомерной, так как учитывает и формальную, и содержательную сторону творчества Т. Кибирова и, следовательно, характеризует его наиболее полно.

¹ Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург, 2000. С. 251- 252.

² Богданова О.В. Указ. соч. С. 504 – 505.

В параграфе 1.2 **«К вопросу о периодизации. Раннее творчество и социальная проблематика»** предлагается периодизация творчества Т. Кибирова. Нам представляется логичным разделить творчество Т. Кибирова на этапы не только по хронологии событий личной биографии поэта, но и в соответствии с этапами развития социополитической ситуации в России. Таких этапов, учитывая то обстоятельство, что поэт на данный момент жив и продолжает свои творческие искания, предварительно можно выделить три: первый этап относится к эпохе Перестройки и включает в себя восемь книг стихов, опубликованных в сборнике «Сантименты» (1994 г.). Это период с 1986 по 1991 годы. Второй этап мы условно называем постперестроечным, относя его начало к 1992 году. Он включает в себя одну книгу стихов «Парафразис» (1992-1996 гг.), которая представляет творческий период длиной в пять лет и является переходной в формальном и содержательном отношении. Наконец, третий период, современный, включает в себя шесть книг стихов, от книги «Интимная лирика» (1997-1998 гг.) до книги «Шалтай-Болтай» (2002 г.), опубликованных в итоговом на сегодняшний день сборнике поэта «Стихотворения» (2005 г.).

Эта периодизация учитывает не только творческий аспект, но и социально-политическую конъюнктуру, оказавшую несомненное влияние на творчество поэта. Рассматривая ранний период таким образом, мы получаем представление и о творческих принципах поэта, и о становлении его мировоззрения, и о его гражданской позиции; иначе говоря, такой подход дает нам возможность представить Т. Кибирова одновременно как личность, как гражданина и как поэта. Среди его творческих принципов мы выделяем опору на классическую традицию, в области мировоззрения преобладает ценностная база христианства, в социальной же тематике, помимо антитоталитарного пафоса, следует отметить стремление поэта видеть за материальными проблемами духовную нищету советского общества в качестве главной причины их. В главе прослеживается постепенное углубление авторского взгляда на социальные и исторические проблемы, включая проблему тоталитаризма и тему Родины, чем

продиктован последующий отход поэта от публицистической интерпретации всех этих вопросов и его возвращение к сугубо поэтическому их осмыслению.

Одним из важнейших аспектов мировоззрения и самоидентификации поэта является его национальная самоидентификация, рассмотренная нами в параграфе 1.3 **«Формирование мировоззрения поэта. Русь, Россия, РФ: путь к национальной самоидентификации»**. Национальная самоидентификация Т. Кибирова формируется под воздействием двух противоположных интенций: это ироническое отрицание советского бытия и быта и, с другой стороны, любовь поэта к Родине. Это позволяет А. Левину говорить о том, что «Кибиров смеется и плачет одновременно»¹, осуждая родину и сочувствуя ей. Еще одним аспектом национальной идентичности Т. Кибирова является осознание им отсутствия кровного родства с Россией («а мне пятый пункт не позволит / и сыном назваться твоим»), что возмещается родством духовным. Таким образом, как было нами установлено в результате анализа произведений Т. Кибирова, поэт осознает себя русским не по крови, но по духу.

В этом же параграфе, в подпункте **«Апология мещанства: поэт vs. поэтическая традиция»** мы анализируем вызвавшую много споров в критике идею отрицания романтизма и апологии мещанства, представленную в нескольких рассмотренных нами стихотворениях поэта. Мещанство в трактовке Т. Кибирова выступает как едва ли не единственная подлинная ценность, а само слово лишается негативной коннотации. Защищая мещанство, Т. Кибиров сознательно противопоставляет себя многовековой традиции мировой литературы. Критики, как, например, А. Немзер, пытаются не придавать значения этому конфликту поэта с поэтической традицией, списывая его на авторскую игру. Однако сам Т. Кибиров продолжает вопреки традиции отстаивать простые человеческие и совершенно непоэтичные ценности. В данной главе мы рассматриваем также формирование эстетического кредо поэта и его этические принципы, эволюцию кибировской концепции любви и

¹ Левин А.О. влиянии солнечной активности на современную русскую поэзию // <<http://levin.rinet.ru/TEXTS/kibirov.htm>>.

категорию детскости в поэтике и мироощущении Т. Кибирова. Исследуя следы соц-арта в поэтике Т. Кибирова, мы обращаемся к интертекстуальному отражению в его творчестве советской культуры. Помимо иронического, пародийного осмысления этих интертекстов, мы видим, что Т. Кибиров сочувствует своим персонажам – как советским людям, так и героям знаковых текстов советской культуры (Корчагин, Мересьев и др.). Мы отмечаем, вслед за В. Левиным и С. Гандлевским, ностальгическую модальность поэта по отношению к советским временам. Важно заметить, что цитаты из советских песен и произведений писателей-соцреалистов, составлявшие большой массив в раннем творчестве Т. Кибирова, впоследствии сменились ссылками на писателей-постмодернистов и тексты современной массовой культуры, из чего можно заключить, что Т. Кибиров склонен к пародийной интерпретации не только советской, но и любой доминирующей культурной парадигмы.

Во второй главе **«Русская классика в творчестве Т. Кибирова: авторитеты, оппоненты и прототипы»** рассматриваются наиболее авторитетные источники претекстов Т. Кибирова – русские классические поэты XIX века (А.С. Пушкин) и поэты XX века: символисты и акмеисты. Рассмотрение творчества Т. Кибирова в его соотношении с тремя важнейшими направлениями русской поэзии сделало возможным обобщение его разнородных интенций и модальностей с целью выделения и формулировки творческих и жизненных приоритетов и ценностей поэта.

В параграфе 2.1 **«Авторитеты. Т. Кибиров и А.С. Пушкин»** мы обращаемся ко многочисленным пушкинским интертекстам в творчестве Т. Кибирова. Эти интертекстуальные параллели присутствуют в творчестве Т. Кибирова на лексическом и синтаксическом уровне, в образной системе, на уровне жанра. Н.А. Кузьмина разделяет отношение к Пушкину современных русских поэтов «классического направления» (Д. Самойлова, Б. Ахмадулину, А. Тарковского и др.) и, с другой стороны, поэтов русского авангарда (концептуализма). Типичной для концептуализма является позиция Д.А. Пригова, для которого «имя Пушкина воспринимается как знак, жестко

маркирующий «высокое», принципиально неприемлемое для поэта»¹. Это «высокое», взятое в упрощенном, «мещанском» понимании, и становится объектом пародии у Д.А. Пригова. Следует отметить, что поэт-концептуалист Т. Кибиров в работе с пушкинским интертекстом ближе к поэтам классического направления, привносящим, по Н.А. Кузьминой, свой духовный опыт в чужие строки. А.С. Пушкин является для Кибирова высшими поэтическим авторитетом, воплощением литературной традиции, абсолютным образцом для подражания. Т. Кибиров использует пушкинские интертексты исключительно для позитивного, конструктивного переосмысления. Переосмысление это связано со стремлением поэта «оживить» хрестоматийные цитаты, зачастую утратившие самостоятельное, отдельное от литературоведческих толкований значение. Помещая такие цитаты в современный, бытовой контекст, соединяя их с собственными стихами таким образом, что не всегда можно найти границы цитат, Т. Кибиров создает живой образ Пушкина, имманентно и вечно существующий в жизни русских писателей и читателей. Т. Кибиров придерживается пушкинского понимания роли и миссии поэта и поэзии: вопреки постмодернистским мифам, он видит задачу поэта в том, чтобы «чувства добрые лирой пробуждать», нести в массы некие позитивные и гуманистические идеи.

В параграфе 2.2 «Оппоненты. Т. Кибиров и А. Блок» нами был предпринят анализ блоковских интертекстов Т. Кибирова. Из всех поэтов-символистов начала XX века наиболее ярко в творчестве Т. Кибирова интертекстуально представлен Александр Блок. Это вполне закономерно: во многих интервью Т. Кибиров признается, что А. Блок был его юношеским увлечением. Об этом же читаем в стихах Т. Кибирова, например, поэме «Солнцедар». Более того, в интервью Виктору Куллэ Т. Кибиров говорит, что именно Блок впервые «дал ему представление о том, что такое поэзия». Для поэта – очень важное признание. Однако, в отличие от А.С. Пушкина, А. Блок не является для Т. Кибирова этическим и эстетическим авторитетом. Напротив,

¹ Кузьмина Н.А. Указ. соч. С. 85.

Т. Кибиров часто осмысляет блоковские интертексты иронически, пародийно, или полемически. Таким образом, налицо некоторая двойственность в отношении Т. Кибирова к А. Блоку.

Блоковские интертексты у Т. Кибирова составляют довольно большой массив, который мы анализируем по нескольким тематическим направлениям.

Кибировский образ Прекрасной Дамы рассматривается в дискурсе подростковой сексуальности, что не просто снижает его, но изменяет его сущность. По существу, этот образ является цитатой, и не может не быть переосмыслен. Переосмысление неизбежно еще и потому, что А.Блок, Т. Кибиров и автопсихологический герой поэмы воспринимают этот образ по-разному. Это расхождение дает Т. Кибирову возможность оценить и сам образ, и слишком восторженное восприятие его. С высоты своего жизненного и творческого опыта Т. Кибиров оценивает Прекрасную Даму, которая представлена в поэме как заблуждение юности, по преимуществу иронически. Следует отметить, что ирония относится в той же мере и к попытке создать свою Прекрасную Даму не в стихах, а в реальности, из одноклассницы. Таким образом, авторская самоирония в данном случае неотделима от иронии в адрес А. Блока, осмыслявшего факты своей биографии и окружающих людей (в частности, Л.Д. Менделееву) в мистическом и философском ключе. Попытка рассматривать живую женщину как философскую категорию («Вечную Женственность»), с точки зрения Т. Кибирова, смехотворна.

Блоковский образ «Русь - жена» осмысляется Т. Кибировым иронически: Т. Кибиров предлагает утрированную, бытовую трактовку блоковской метафоры, тем самым снижая и пародируя ее. Следует, однако, отметить, что ирония Т. Кибирова направлена в данном случае не столько на А. Блока, сколько на выросший из этой метафоры образ взаимоотношений поэта с Россией, основанный на распространенной метафоре родства, которую и пародирует Т. Кибиров.

Наибольшую остроту полемика Т. Кибирова по отношению к А. Блоку приобретает, когда речь заходит о революции 1917 г. Антитоталитарная

тематика в творчестве Т. Кибирова характеризует отношение поэта к тоталитаризму как однозначно негативное, отношение же поэта к проблеме мещанства и романтизма показывает, что романтические идеи в литературе представляются Т. Кибирову (и не ему одному – тот же вывод, например, делает и современный финский исследователь Т. Вихавайнен) одной из предпосылок тоталитарных режимов. С этой точки зрения именно А. Блок, символист, воспевавший революцию, идеологически наиболее чужд Т. Кибирову. При этом нельзя не учитывать, что юношеское увлечение поэта творчеством А. Блока делает это противостояние менее однозначным; с другой стороны, как мы наблюдали, противоречие по этой причине еще более обостряется, становясь причиной не только иронии, но и самоиронии. Таким образом поэт на частных примерах изображает общую картину: призывы к абстрактному благу часто приводят к конкретному злу, и, следовательно, зло – уже сама попытка их воплощения. Сами же высокие идеи превращаются таким образом в оправдание зла. Идеи, против которых выступает Т. Кибиров, настолько одиозны для него, а идеи, им отстаиваемые, напротив, настолько важны, что этика в данном случае отходит для него на второй план. Характеризуя эти идеи, вряд ли стоит говорить о каком-либо «новаторстве» или некоем специфическом «гуманизме» Т. Кибирова: это нормальная общечеловеческая позиция неприятия насилия в любых формах и для любых целей.

Таким образом, мы наблюдаем три основных направления, по которым распределяются в творчестве Т. Кибирова блоковские цитаты. Одно из них связано с образом Прекрасной Дамы и с концепцией Вечной Женственности, другое с революционной тематикой, и третье – с образом Родины, осмысляемой А.Блоком в качестве жены, что в какой-то мере продолжает идею о Вечной Женственности. Все эти направления являются полемическими.

Однако отношение Т. Кибирова к А. Блоку не сводится к одной лишь полемике. Существует не связанный с какой-либо конкретной темой или с несколькими конкретными стихотворениями массив блоковских цитат, отношение к которым Т. Кибирова можно определить как нейтральное. О такой

цитате, наряду с цитатами полемическими и ироническими, говорит и А. Немзер¹. Полемическая модальность в данном случае отсутствует, так как А. Блок выступает здесь не как автор символистской концепции Прекрасной Дамы, воспевающий Революцию, но как великий русский поэт, чьим наследием пренебречь нет возможности и смысла. Не признавая Блока – идеолога, Т. Кибиров с несомненным уважением относится к Блоку – поэту. Однако в качестве идеолога А. Блок выступает лишь в работах некоторых советских литературоведов и в школьных учебниках советской поры, следовательно, Т. Кибиров полемизирует не с А. Блоком, а с идеологизированным толкованием его творчества.

В параграфе 2.3 «Прототипы. Т. Кибиров и акмеисты» мы рассматриваем влияние акмеизма на поэзию Т. Кибирова. Следы акмеистического влияния проявляются в творчестве Т. Кибирова на разных уровнях. Прежде всего позицию Кибирова можно назвать сходной с акмеистической на уровне самоидентификации поэта, определения им места и значения поэта и поэзии.

Важно отметить, что между акмеизмом и концептуализмом есть кое-что общее:

1 оба они возникли на руинах мощных культурных течений (символизма и соцреализма, – последний некоторые критики понимают как крайнюю степень развития модернизма);

2 оба пытаются создать свой поэтический мир, привлекая материалы отдаленных культурных эпох (экзотизмы, образы Рима и Греции у акмеистов – и цитатная манера концептуалистов);

3 и акмеизм, и концептуализм обращаются к живой народной речи за новыми словами с более устойчивым содержанием;

4 Н. Гумилев говорит о “светлой иронии” акмеизма, противопоставляя ее “безнадежной <...> серьезности” символистов. Для концептуализма тоже характерна ирония и даже “пародийный модус повествования”. «Светлой» можно считать иронию, не несущую разрушительного пафоса: по крайней мере,

¹ «Сколько от Блока не отрешивайся, как не отшучивайся, а куда без него?» [Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. С. 299].

ирония Кибирова именно такова;

5 чрезмерная риторичность и фантастичность в поэзии прошлого заставляет оба новых течения уделять большое внимание конкретным жизненным деталям, а так же предметному миру. Н. Гумилев говорил, что удельный вес ничтожнейшего явления больше отсутствия веса, небытия¹.

Как и акмеисты, Т. Кибиров не боится изображать подчеркнуто бытовые сцены в сочетании с лирикой, уделяет много внимания предметной среде. В вопросах поэтической техники Т. Кибиров, как никто другой из поэтов-концептуалистов, тяготеет к высоким требованиям акмеистов к стихотворной форме. Акмеизм является для Т. Кибирова парадигмой, удачно сочетающей уважение к классической традиции и модернистские новаторские тенденции, снова ставшие актуальными в современной литературе.

Соположение трех представленных в творчестве Т. Кибирова наиболее влиятельных претекстов – классической литературы, символизма и акмеизма, – дает нам своего рода трехмерную модель литературного интертекстуального контекста, в который помещает свое творчество сам автор. Это напоминает применяемую в математике для исследования трехмерных тел топологическую модель, когда объект проецируется на три оси – X, Y и Z. При этом важно отношение поэта к своим претекстам. Классическая литература, как было сказано, является для Кибирова абсолютным авторитетом и воспринимается позитивно, символизм зачастую является объектом полемики и пародийного переосмысления. Акмеизм же, являясь, с одной стороны, модернистским течением и наследником символизма, с другой стороны примыкает к классической литературе и опирается на ее авторитет (в частности, авторитет Пушкина очень важен для акмеистов). По этой причине акмеизм воспринимается Кибировым как наиболее родственная поэтическая школа: классика симпатична не менее, но гораздо более удалена, призма времени искажает классические претексты.

Несмотря на большое влияние этих претекстов на творчество поэта, нельзя

¹ Гумилев Н.С. Жизнь стиха // Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991. С. 302–303.

не заметить, что все они представляют историю литературы, а не актуальную литературную ситуацию, с позиций которой они осмысляются Т. Кибировым.

В третьей главе «Современное творчество Т. Кибирова» анализируются некоторые новые тенденции, появившиеся в творчестве поэта в последние годы (например, обращение поэта к философской проблематике). Итак, Т. Кибиров, рассматривая в своем творчестве философские вопросы, не претендует на философское осмысление реальности. Все его высказывания на эту тему являются творческим переосмыслением философии, то есть тех же идей, но уже подвергшихся профессиональному изучению. Таким образом, можно заключить, что перед нами – философская лирика нового уровня: поэт имеет дело не с собственными отвлеченными идеями о мироустройстве, а с готовыми философскими концепциями. Основным принципом, которым руководствуется Т. Кибиров при анализе таких концепций – это соотнесение их с окружающей реальностью. Единственная философская проблема, которую Т. Кибиров затрагивает в своих произведениях напрямую – это имеющая общечеловеческую значимость проблема смерти. Т. Кибиров отказывается от создания в своей поэзии какого-либо «образа смерти» и критикует поэтов, создававших в своем творчестве подобный образ и осмыслявших его романтически. Стихотворения Т. Кибирова, посвященные проблеме смерти, могут быть оценены как оптимистические и жизнеутверждающие. Т. Кибиров оценивает существующие философские идеи, концепции и течения с точки зрения тех ценностей, которыми он руководствуется в своей творческой практике. В общих чертах эти ценности можно охарактеризовать как гуманистические. Поэтому Т. Кибиров негативно и иронически оценивает идеи ницшеанства, пародируя образы и идеи этого философского течения. Основным приемом, которым пользуется Т. Кибиров, пародируя философские идеи, это прием буквального осмысления их с последующим доведением до логического абсурда. Этот прием мы наблюдаем в разных вариантах на множестве примеров. Т. Кибиров рассматривает таким образом два взаимосвязанных философских течения: ницшеанство и постмодернизм. Если ницшеанство

вызывает у поэта полное неприятие, то при осмыслении постмодернизма он не столь категоричен: отрицая и высмеивая философские идеи постмодернизма, Т. Кибиров при этом осознает себя постмодернистом, по крайней мере, формально. Однако, рассматривая идеи постмодернизма с точки зрения поэтической практики, Т. Кибиров убеждается в их надуманности и бесплодности. Говоря о философии, Т. Кибиров остается, прежде всего, поэтом.

В главе рассматривается также новое осмысление Т. Кибировым ранее затронутых в его творчестве проблем, таких, как место и роль поэта и поэзии в современном мире и антитоталитарная тематика. Рассматриваются здесь и некоторые индивидуальные особенности интертекста Т. Кибирова, такие, как интертекстуальный образ возлюбленной поэта в книге стихов «AMOUR, EXIL...», и интертекстуальные стратегии, отличающие Т. Кибирова от других поэтов, использующих в своем творчестве интертекст, что показано нами путем сравнения Т. Кибирова с В. Емелиным. Мы предлагаем различать «конструктивную» и «деструктивную» стратегии интертекстуальности. Если автор просто помещает интертексту в несвойственный ей контекст, не выражая своего к ней отношения и не пытаясь с помощью цитаты донести до читателя какую-то собственную идею, отличную от идеи претекста, то можно, на наш взгляд, говорить о деструктивной стратегии, которая близка к творческой неоригинальности, так как является, по сути, повтором и контаминацией чужих слов и мыслей. Разумеется, значение цитаты, помещенной в другой контекст, неизбежно изменится¹. Более того, как мы неоднократно наблюдали и у Т. Кибирова, и у В. Емелина, это помещение цитаты в другой контекст само по себе создает эффект комического. И, если автор не высказывает своего отношения к интертексту и не выходит в ее переосмыслении за рамки иронии, можно считать, что авторская роль в создании этой иронии минимальна. Такой интертекст мы называем деструктивным, потому что роль автора в переосмыслении интертексту

¹ Эта мысль принадлежит Ю.М. Лотману (Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002. С. 64–89).

сводится в этом случае к разрушению старого контекста и механической замене его на новый. Выбор нового контекста ничем не мотивирован¹, следовательно, такую замену контекста можно назвать механической.

Конструктивной стратегией осмысления интертекста мы назовем, напротив, целенаправленное переосмысление интертекстемы с ярко выраженной авторской интенцией и модальностью. Интенция и модальность служат признаками авторского желания управлять смыслопорождением, возникающим при помещении цитаты в новый контекст. Авторская модальность указывает нам, что именно автор хотел бы изменить в претексте, авторская интенция указывает направление желательного автору изменения. В комплексе, эти два фактора становятся механизмом управления смыслопорождением внутри текста. Такую стратегию работы с интертекстом мы назовем конструктивной.

Авторская интенция при работе с интертекстом и авторское отношение к отдельным интертекстам напрямую зависят от особенностей творческой индивидуальности писателя. Индивидуальность В. Емелина характеризуется, прежде всего, маргинальностью – в социальном, поэтическом, мировоззренческом аспекте. Поэтому у него нет никаких позитивных идей и интенций, жизненная и гражданская позиция данного поэта строится на ироническом отрицании окружающего мира.

Творческая индивидуальность Т. Кибирова, напротив, строится на религиозной мировоззренческой платформе: именно к духовным ценностям христианства обращается поэт в сложных ситуациях – для самоопределения в условиях отмеченного М.П. Абашевой «кризиса авторской идентичности»² конца 1980-х – начала 1990-х, при осмыслении постмодернизма и проблемы смерти в стихах современного периода и т.д. Творческая индивидуальность Т. Кибирова в ценностном плане опирается на культурные традиции, связь с которыми устанавливается за счет соотнесения себя с литературой прошлого и

¹ Мотивацией могло бы служить авторское отношение к самой цитате или ее контексту, а также некая позитивная авторская идея.

² Абашева М.П. Указ. соч. С. 7.

на гуманистических идеалах поэта. Таким образом, несмотря на сходство биографий поэтов и использование ими некоторых общих приемов, интертекстуальные стратегии Т. Кибирова и В. Емелина противоположны вследствие различий, лежащих в области их творческой индивидуальности.

В **заключении** мы подводим итог нашего исследования, формулируя наиболее значимые выводы, и намечаем возможные пути дальнейшего изучения творчества Т. Кибирова.

По теме диссертации подготовлены следующие публикации:

1. Интертекстуальность авторского сознания в творчестве Т. Кибирова // Формы выражения авторского сознания. Курган, 2003. С. 3 –7.

2. Либи́до в культурном контексте (по материалам книги стихов Т. Кибирова «AMOUR, EXIL...») // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Выпуск 4: Актуальные проблемы литературоведения. Ростов-на-Дону, 2003. С. 56 –58.

3. Акмеистические «следы» в творчестве Тимура Кибирова // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века. Ахматовские чтения – 2004. Тверь, 2004. С. 349–355.

4. Два «послания» Тимура Кибирова // Русская литература XX – XXI веков: Направления и течения. Вып. VII. Екатеринбург, 2004. С. 194 –204.

5. Роль интертекста в творчестве Тимура Кибирова последнего десятилетия // Дергачевские чтения–2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2004. С. 205–208.

6. Мир детства в творчестве Тимура Кибирова // Мальчики и девочки: реалии социализации. Екатеринбург, 2004. С. 349–353 (в соавторстве с Васильевым И.Е.).

Подписано в печать . Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Заказ . Усл. печ. 1 л. Тираж 100 экз.

Уральский государственный университет.
620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51.
Типолаборатория УрГУ.